

Ибо вот, Я творю новое небо и новую землю, и прежние уже не будут воспоминаемы и не придут на сердце.

Книга пророка Исаии, 65, 17.

православная газета для молодежи

ВЕРА

МОЛОДЫХ

№ 2 (76)
18 апреля 2014

16+

Издается по благословию митрополита Калужского и Боровского Климента
Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

«ВЕРА МОЛОДЫХ» – газета для всех. Мы не преследуем цели обращения неверующих или наставления заблудших. Мы хотим поговорить о том, что никогда не потеряет своей ценности: о добре и зле, о жизни и смерти, о любви, дружбе и одиночестве. И о многом другом. Делитесь с нами своими идеями и предложениями, ведь «Вера молодых» – это разговор о том, что тревожит и волнует вас.

Тысячу лет спустя. ✓
Уникальное событие в истории. стр. 2

Тема номера: **Ночь, когда звёзды становятся ближе.** ✓ стр. 3

Любовь и крест. ✓
Две оптинских проповеди. стр. 4

Поэт **Ольга СЕДАКОВА** ✓
«Не хочу успеха и не боюсь провала». стр. 5

Суворов русского флота. ✓
Жизнь адмирала Макарова. стр. 6

Не просто пеликан. ✓
Под лупой фильм «Пеликан». стр. 7

Средневековый Лавр – современный человек. ✓ стр. 8

В этом году на праздник Пасхи пешеходные улицы Москвы вновь украсят гигантские расписные яйца.

ВОСКРЕС ХРИСТОС, И ТОРЖЕСТВУЕТ ЖИЗНЬ!

С нетерпением ждали мы этого светоносного дня, с радостью шли через дни поста навстречу «праздников Празднику и Торжеству торжеств» – Пасхе Христовой.

Пасха – это итог сыновнего послушания Сына Божия Небесному Отцу, Его тщания о нашем спасении.

Пасха – это и итог нашего сорокадневного подвига поста: внимания к своей душе, воздержания, молитвы, покаяния и дел любви.

Человек по природе своей многомерен. Самое привычное для нас измерение – это повседневная жизнь: изо дня в день мы крутимся в кругу своих забот, решая множество проблем, тратим много времени и сил, испытываем страхи и переживания, стараемся сохранить и улучшить наш быт, но при этом часто забываем о своей душе.

Измерение души почти совсем забыто нами. Чем же мы можем утолить ее жажду и голод? Завершившийся Великий пост – это время, когда проявляются наши чаяния вечного, томление о чистоте души и потерянном единстве с Богом, а не стремление к суррогату греховной сладости.

В дни поста мы просили у Господа, чтобы Он защитил нас от «духа праздности, уныния, любоначалия, празднословия и осуждения», и дал дух «целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви». Сколько важно для человека обрести целомудрие, то есть иметь внутреннюю чистоту, цельность помыслов и поступков!

Душа человека расколота грехом, и в дни поста мы просили Бога исцелить ее, соединить в целое эти разбитые части.

И сегодня радость Пасхи наполнила наши сердца, но главное – не дать ветрам сиюминутных увлечений погасить в сердце слабую искру молитвы – нашей надежды на спасение. В молитве Оптинских старцев говорится: «Разсеянный мой ум собери, Господи, и оледеневшее сердце мое очисти».

Христианину важно держаться за молитву, за богослужение, за Святые Таинства. Важно перестать считать свое «я» и его сиюминутные потребности «мерилом всех вещей».

Пасха – это праздник, когда была явлена великая любовь Божия к людям: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3, 16). Бог любит каждого из нас, Голгофская жертва была принесена за спасение каждого человека, Воскресением Христа побеждена смерть каждого из живущих на Земле. «Воскрес Христос, и ад низвержен! Воскрес Христос, и торжествует жизнь!» – восклицает святитель Иоанн Златоуст.

Будем же делиться пасхальной радостью с нашими родными, близкими и дальними, с теми, кто находится на одре болезни или в темнице, с тем, кого, быть может, мы встретим впервые. Будем же помнить, что это Господь посылает нам всех этих людей, чтобы через них мы явили свою любовь к Нему.

Христос воскрес! Воистину воскрес!

Из Пасхального послания митрополита Калужского и Боровского КЛИМЕНТА. Полный текст смотрите на eparhia-kaluga.ru

«Пасха красная, Пасха всечестная...» – в день Воскресения Христа это песнопение можно услышать в каждом русском храме. Но почему «красная»? Что в этом цвете такого, что варёные яйца – один из главных атрибутов этого праздника – красят в основном в оттенки красного? Почему священники на Пасхальной службе меняют свои торжественные светлые ризы на красные, выходя к молящемуся народу? Чем красный цвет так дорог христианам, что стал одним из основных признаков самого важного для них дня в году?

В СТАМБУЛЕ ГОТОВИТСЯ ВСЕПРАВОСЛАВНЫЙ СОБОР

ний Межправославных подготовительных комиссий. И вот на встрече, прошедшей с 6 по 9 марта 2014 года в храме святого Георгия в Стамбуле, была названа окончательная дата созыва Собора.

В своем обращении по этому поводу главы Православных Церквей заявили: «В наши дни обладают особой напряженностью исторические испытания и вызовы, перед лицом которых православные христиане не могут оставаться безучастными или безразличными. Поэтому мы собрались вместе, чтобы размышлять о проблемах и испытаниях, с которыми сталкивается современное человечество...» Среди этих испытаний – преследование христиан в Сирии и в Африке и других местах планеты, смута на Украине, мировой экономической кризис.

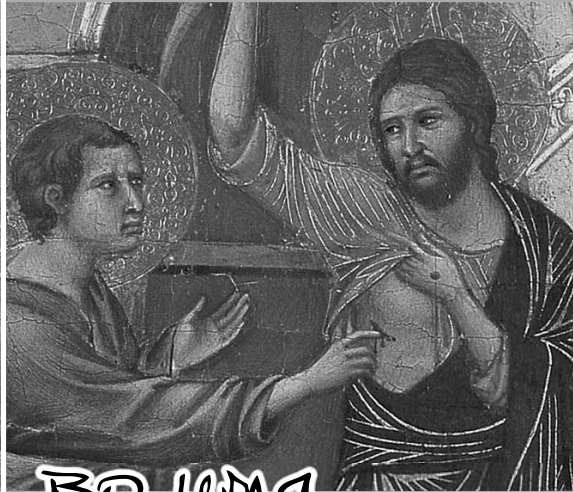
Например, в Сирии до сих пор неизвестна судьба местных христианских митрополитов Павла и Иоанна, похищенных экстремистами. От боевых действий и межрелигиозного насилия там пострадало уже множество людей, еще больше стали беженцами. Участники совещания обратились ко всем участникам гражданской войны в этой стране с просьбой начать мирные переговоры и принести покой на истерзанную землю Ближнего Востока.

В преддверии созыва Собора многих также волнует проблема экуменизма, то есть сотрудничества Православных Церквей с другими христианскими и нехристианскими конфессиями. Иные даже высказывают мысль, что «это несомненно приведет к созданию «универсальной» религии для последующего воцарения антихриста». Отвечая на эти опасения, Предстоятели Церквей заявили так: «Мы признаем, что диалог всегда лучше конфликта. Бегство и изоляционизм не являются нашим выбором. Мы еще раз подтверждаем, что наш долг – быть открытыми для контакта с другими людьми и иными культурами, христианами других конфессий и последователями иных религий».

Что это означает на практике – покажет время. Но нужно отметить, что навязать всем непопулярное решение на Соборе будет невозможно. Каждая Церковь на нем будет обладать одним голосом, и все решения будут приниматься только всеобщим консенсусом. Это означает, что если делегаты даже одной из Поместных Церквей не согласны с решением Собора, то оно автоматически блокируется, пока не будет достигнуто согласие.

«Это древняя церковная традиция, характеризующая соборность и отличающая последнюю от парламентской демократии, где при принятии решений господствует принцип большинства голосов...» – заявил в интервью «Интерфакс-Религия» глава Синодального Информационного Отдела Русской Православной Церкви Московского Патриархата Владимир Легойда.

Станислав ПАВЛОВ.

ВО ИМЯ ЖИВОЙ КРОВИ

Издrevле в русском языке слово «красный» означало «красивый» – «красна девица», «Красная площадь». И недаром символом красоты стал именно красный цвет. Самый яркий из всех существующих, он издавle привлекал к себе внимание людей. Надо ли напоминать, что кровь, текущая в наших жилах, хранящая биение нашей жизни, тоже красная?

В христианстве красный цвет символизирует многое. Это и языки пламени, некогда проявившиеся над головами апостолов в знак того, что на них снизошел Святой Дух. Ибо Бог – это, в том числе, Огонь, очищающий добро и сжигающий злое. Поэтому на иконах серафимы, одни из высших ангельских чинов, пребывающие «в божественном жаре» возле Престола Создателя, тоже изображались красным цветом.

Это и царственный пурпур, который в Древнем Риме и Византии могли носить только императоры и который, как знак верховной власти, стал неотъемлемым атрибутом всемогущего Бога. Именно христиане стали первыми выделять в календаре красным цветом дни, посвященные Христу, Божией Матери, святым. Отсюда и пошли «красные дни календаря».

Это и кровь, пролитая христианскими мучениками. Поэтому в дни памяти людей, погибших за веру, священники тоже надевают красные ризы. Но самая главная смерть во всей человеческой истории случилась две тысячи лет назад. И кровь, капавшая с креста на выжженную землю Палестины, тоже была красной, как и наша.

Но эта кровь не была бездушной жидкостью, вытекающей из мертвого косного тела. Нет. Это была кровь Бога, Живого и Всемогущего, преодолевшего смерть раз и навсегда. А значит, она сама была живой, семенем Жизни Вечной, доступной отныне всем людям на свете. И именно в знак радости о воскресшем Спасителе и в память об этой, самой драгоценной в мире крови батюшки на Пасху меняют свои белые одеяния на красные. Ибо пролилась она тогда ради всех нас.

И все-таки стоит с самого начала подчеркнуть: Всеправославный Собор по каноническому статусу – не Вселенский. Ведь Вселенские Соборы организовывались императорами и в большинстве своем для преодоления какой-либо ереси, сотрясавшей все церковное здание, и утверждения тех или иных догматов.

Нынешний Собор догматических вопросов касаться не будет, зато обсудит целый ряд практических проблем, стоящих перед современными православными христианами. Это и процедура получения церковной автономии и автокефалии (особенно актуальная в связи, например, со смутой на Украине), установление общего календаря праздников, соблюдение поста в нынешних условиях, отношение Православия к другим христианским конфессиям и экуменизму и так далее.

Грядущий Собор – это плод многолетних усилий. До того каждая Церковь решала возникающие проблемы по-своему, и противоречия между ними только накапливались. Вспомнить хотя бы, сколько споров было из-за того, что ряд Поместных Церквей перешли на григорианский календарь, в то время как другие остались верны юлианскому. Поэтому в 1961 году, на Всеправославном совещании, состоявшемся на острове Родос, представители Поместных Церквей пришли к выводу, что для того, чтобы адекватно отвечать на вызовы современности, православные всего мира должны действовать совместно.

С 1976 по 2009 годы состоялось в общей сложности четыре Всеправославных предсоборных совещания, не считая периодических заседа-

ТЫСЯЧУ ЛЕТ СПУСТЯ

В самом начале Великого поста состоялось собрание глав и представителей тринадцати Поместных Православных Церквей: Константинопольской, Александрийской, Антиохийской, Иерусалимской, Русской, Грузинской, Сербской, Румынской, Болгарской, Кипрской, Элладской, Албанской и Польской. Участники совещания договорились о созыве Всеправославного Собора, который должен состояться в 2016 году. Похоже, мы с вами можем стать свидетелями практически уникального события в человеческой истории. Ведь ничего подобного не было уже почти тысячу лет.

НОЧЬ,

КОГДА ЗВЕЗДЫ СТАНОВЯТСЯ БЛИЖЕ

ТЕМА НОМЕРА

Осознание того, что когда-нибудь придется умереть, пришло ко мне где-то в шесть лет. Я очень хорошо помню этот беспросветный ужас от внезапного осознания, что рано или поздно меня не будет. Просто не будет — и все. Помню, я пытался представить это себе: закрывал глаза и «всматривался» в окружившую меня тьму.

И «видел» тишину и ничего. И я, такой живой и теплый, когда-нибудь тоже превращусь вот в это «ничего»? Эта тьма небытия неизбежна, она обязательно когда-нибудь придет за мной, что бы я ни делал?

Днем, когда я бегал на улице, играя с друзьями, мысли об этом, конечно, отступали, при свете дня они казались нелепым бредом, но вот ночью, в постели, в ожидании сна... Я обращался и к взрослым со своим наивным детским вопросом: «А я умру?» С тоской ожидая ответа, уже очевидного и для них, и для меня.

И вот однажды в маленькой книжке я прочел, что нет, не умру... Что не умрет моя мама, отец, что дедушка, на самом деле, жив, и когда-нибудь я смогу снова увидеть его — короче, я узнал, что смерти нет. Что у нас у всех впереди вечность, открытая благодаря Емму...

В один миг я понял, почему те странные, загадочные люди под названием «святые», о которых мне доводилось слышать краем уха, шли навстречу своим мучителям с улыбкой на устах.

С тех пор каждую Пасху я снова и снова переживаю это чувство, затопившее тогда мою душу. И, верите или нет, это ощущение стоит того, чтобы ради него выдержать долгий путь Великого поста.

Скажу больше, когда наступает долгожданная Пасха, тот, кто в предшествующие дни не ограничивал себя ни в чем, не сможет полностью ощутить всю глубину этого праздника. И даже когда в церкви священник крикнет: «Христос воскрес!», а весь храм ответит: «Воистину воскрес!», не почувствует, не поймет он до конца этого ликования, этого торжества. Ах, совсем не глупые люди установили в древности Великий пост...

ОУВИДЕТЬ СОКРОВИЩЕ
Однажды мы с другом поехали на юг, к морю. Автостопом, естественно, — других, менее «неформальных» способов передвижения мы не признавали. Водители брали попутчиков не слишком охотно, и поездка затянулась. Мы крепко завязли где-то в средней полосе России, обтрепанные и здорово уставшие.

И вот, когда мы уже почти отчаялись, пожилой дядька на потрепанном «Камазе» взял

Ну вот мы с вами и добрали потихоньку до окончания Великого поста. И в очередной раз убедились, что назван он так не зря. Конечно, велика была наша печаль от того, что пришлось на целых семь недель расстаться с колбасой, сосисками и салом, развлечениями и увеселениями, к которым мы все так привязаны. Но теперь... Чувствуете?

Чувствуете эту ещё более великую радость, которая приближается к нам с каждой минутой? Радость, трезвонящую в колокола, полной грудью вдыхающую пьянящий весенний воздух пасхальной ночи. Радость встречи воскресшего Христа.

Далеко-далеко отсюда, в Иерусалиме, православные арабы сейчас кричат, бьют в барабаны прямо в храмах, ходят чуть ли не на головах. Греки вытаскивают на улицу столы с угощением, жарят во дворах домов мясо, пускают в небо фейерверки. Мы, русские, отмечаем Пасху по-иному, но никто не сможет сказать, что в этот день мы ликуем меньше. По-другому, но — не меньше!

Так откуда она берётся, эта, у кого-то бесшабашная, у кого-то светлая и тихая, пасхальная радость, ликование, счастье? Наверное, каждый найдёт для объяснения этого свои собственные слова. Попробую и я.

нас и, не спрашивая ни о чем, подкинул до своей родной донской станицы. На семьсот километров разом!

Выехали с вечера, и всю ночь эти асфальтовые километры мирно шуршали под колесами большой машины. Когда мы прибыли на место и, разминая затекшие ноги, вылезли из кабины, я взглянул на темное, предутреннее небо... и замер, поняв, что не забуду этого уже никогда. Огромные, просто нереальные звезды, звезды долгожданного юга над головой. Они были почти как фанари, такие близкие, дышащие, живые. Они встречали нас после долгой утомительной дороги, светили нам, как окна родного дома.

Это чувство восторга, причастности к великой красоте... как его описать? Как передать?.. Теперь-то я понимаю, что для того, чтобы мы с другом были готовы воспринять эту красоту, нам нужно было сначала пройти через все это — долгие дни нелегкого путешествия, ночевки в палатке, дневную жару и придорожную пыль. Если бы мы прибыли к месту назначения без всякого труда, то, скорее всего, и не обратили бы внимания на то, на что следовало бы: «Подумаешь, звезды! Купаться быстрее!» Старая-старая истина древних и мудрых сказок: сокровище открывается только тому, кто прошел испытание...

Выходя из теплого, светящегося радостным светом храма в темную пасхальную ночь, взгляните на небо. Теперь, когда позади долгий и трудный путь Великого поста, какими большими и прекрасными, добрыми и близкими кажутся звезды...

Словно между небом и землей убрали некую полупрозрачную преграду, мешавшую нам и звездам стать ближе друг к другу. Как будто в ночь Воскресения Христа даже небесные светила хотят обняться и поцеловаться со спасенным две тысячи лет назад человечеством.

Теперь я знаю, что для того, чтобы испытать еще раз то чувство, которое охватило меня в донской станице, мне не нужно ехать за полторы тысячи километров автостопом. Потому что есть в году Ночь, когда звезды сами становятся ближе к нам, где бы мы ни жили.

ПАРОЛЬ НАДЕЖДЫ
Уногда я завидую ангелам — ведь им по силам то, что недоступно нам, людям. Например, в ночь Пасхи они могут подняться над нашей страной так, чтобы видеть ее всю — от западных окраин до восточных. И только им доступно это зрелище, за которое человеку не жалко было бы отдать треть жизни. Они увидят и услышат (ангельский слух ведь не чета людскому), как невидимой, но ровной полосой на Россию с востока нака-

тывает полночь. И как следом за ней, ровно с двенадцатым ударом часов, начинают звонить колокола храмов. На Курильских островах, на Камчатке, Сахалине, Чукотке. Ликующий пасхальный трезвон идет по всей России с востока. Вот уже гремит Владивосток, заливается Хабаровск, звон плывет над Читой, Иркутском, и его волны гаснут в спокойных водах Байкала.

Неумолимо грядет полночь, и радостным широким шагом входит в Россию Пасха Христова. Вот уже захлебнулся перезвон Новосибирск, Омск. Колокольный гром над Челябинском и Екатеринбургом эхом отдается в ущельях древних Уральских гор. И наконец, сорвавшись с тоненькой ниточки Транссиба, колокольная эстафета разливается широкой волной — от Оренбурга до Белого моря. Звон идет к Волге. Взрывается ликующей медью Казань. Отвечают ей Нижний Новгород, Самара, Саратов, Волгоград, Астрахань.

Вот уже рядом, уже близко. Напряженно всматривается в циферблат часов звонарь на колокольне вашего храма. Минутная стрелка все ближе и ближе к 12-ти. Где-то далеко, за много километров от вас, Пасха входит в Москву. Ну, Господи, благослови!

И впуская в себя этот грянувший отовсюду оглушительный перезвон, вдыхая полной грудью прохладный воздух апрельской ночи, улыбаясь звездам, смотрящим на нас с небес, осознавая, что долгий труд поста окончен и что эти радость и счастье пребудут с нами вовеки, навсегда, потому, что смерти больше нет, — что мы выкрикнем в едином порыве в ответ на возглас священника: «Христос воскрес!»?

Разве не тот короткий «пароль», символ, кодовую фразу, по которой наши предки, даже в чужой стране, среди иноплеменников и иноверцев, всегда узнавали своих? Слова, которые уже две тысячи лет звенят над землей, снова и снова зажигая невиданной доселе надеждой сердца самых разных людей.

«Воистину воскрес!»
И только немного жаль тех, кто до сих пор не понимает, чего это христиане так радуются в эту «обычную» ночь. Как же много они теряют...

Вот так однажды в Нью-Йорке одна еврейская семья постоянно жаловалась на соседей сверху — христиан, чересчур шумно праздновавших Пасху. Но когда они пошли за советом к старому раввину, чтобы спросить, что же все-таки делать с неугомонными «гоями», тот ответил: «Оставьте их в покое. Если бы я был уверен, что праздную приход и воскресение подлинного Мессии, я бы еще не так шумел!»

Дмитрий ЗАБОЕВ.

ЛЮБОВЬ

— ВОТ ГЛАВНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО НАШЕЙ ВЕРЫ

Федор Михайлович Достоевский как-то очень ярко сказал о своем жизненном пути: «Через огромное горнило сомнений моя «Осанна» прошла!» Путь каждого из нас — это огромное горнило сомнений, скорбей, болезней, слез, падений, неожиданных испытаний. Но именно так — через боль и слезы — лежит путь к Вечной Пасхальной Осанне! «Слезами, — говорит Исаак Сириин, — отверзается дверь для вшествия в страну утешения».

Что придает нашей душе и всей нашей жизни подлинность? Что придает красоту и глубину? Неужели личный счет в банке? Неужели слава и вес в обществе? Или новый роскошный автомобиль? Подлинность и полноту дарят душе вера, покаяние, благодать, любовь, кротость!

А жизнь? Что такое человеческая жизнь? Маленькое сонное легкомысленное приключение? Бессмысленный отрезок времени между роддомом и моргом? Или вдохновенный, глубокий, радостный вздох любви и свободы? Пространство Встречи человека и Бога?

Господь предлагает каждому человеку, каждому из нас великую цель — Царство Небесное! Апостол Петр говорит: «Мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда». Само слово «человек», «чело» и «век», указывает на величайшее достоинство, на высшее назначение человека — на его устремление к Вечности, к Богу!

Но беда человека, его трагедия заключается в том, что он часто не хочет этого «нового неба». Мы по-ветхозаветному цепляемся судорожно за унылую поэзию

...Человеческая душа — это улочки Иерусалима. И туда невидимо и сокровенно входит Господь. Что Он услышит в нашей душе — «Осанна!» или «Распни!»? Что произрастит наше сердце — вайи добродетелей или терновые шипы греха и порока?

земной жизни: транжирим время, выбираем очень низкую планку, прилепляемся к жалким ценностям. И самое главное — теряем ощущение жизни как чуда, как Тайнства, как уникальной возможности Встречи с Богом в своем сердце!

Мы как бы ко всему привыкаем. Даже в лоне Церкви часто все становится обычным, рутинным, знакомым, каким-то уже неинтересным. Ну служба, ну правило, ну пост, ну исповедь... И радость духовная порою куда-то уходит. Апостол Павел напоминает всем нам: «Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь... Что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте» (Флп. 4).

Бесу очень хочется, чтобы такие базовые, глубинные, духовные понятия, как Церковь, семья, Родина, Любовь, Бог, добро, стали для современного человека пустым звуком. И чтобы вместо них появились другие «ценности» — жизненный успех любой ценой, космополитизм, на-

смешка над Святостью и бесконечная погоня за удовольствиями во всех видах. Человечество как будто страдает какой-то наследственной болезнью. Поэтому преподобный Силуан Афонский говорит, что христианам нужна сердечная молитва за всю вселенную.

Не черные одежды и нахмуренные лица — символы православия. Любовь — вот главное свидетельство нашей веры. Сергей Фудель сказал однажды: «Нельзя верить, стиснув зубы — это очень ненадежно и это оскорбление Господу... Великий подвиг сейчас — сохранить веру, и не угрюмую, точно загнанную в какой-то тупик, а веру-любовь, любящую веру, веру, веселящуюся о своем Христе!»

Христианин — это свидетель Бога на земле. А святая Церковь — это всегда юное духовное пространство, которым дышит верующее сердце!

«Любите выше всего на свете нашу Церковь, — так еще в XIX веке восклицал Константин Победоносцев. — Любите так, как любит человек, который однажды узнавши верховную красоту, не променяет ее ни на что... Прекрасный сосуд Церкви не разбит еще, не расплавлен дотла на пожирающем огне европейского прогресса. Вливайте в него утешительный напиток вашей образованности, вашего ума, вашей личной доброты — и вы будете правы!»

...Кругом ликование, восклицания, вайи, а Христос идет через все это — к Своей смерти. Ему нужно пройти этот путь для нас и за нас. И Он не сойдет со Креста. Через Крест и смерть Он пройдет к Своему Воскресению!

И каждый из нас — таков закон жизни духовной — тоже когда-то пройдет по ступеням своей Страстной седмицы. Никто не избежит своей Голгофы! Но за ней — и в этом весь смысл и все наше упование и вся наша надежда — обязательно будет Пасха!

Крестная Жертва — это Тайна, вокруг которой, как вокруг солнца, вращается весь мир! Вся земная жизнь Спасителя, от Воплощения, от Вифлеемских яслей и до Вознесения имеет искупительное значение. Но Крестная Жертва — это центральное событие Искушения, кульминационный момент всего служения Христа. Почему? Потому, что Сам Господь говорит: «На сей час Я и пришел» (Ин. 12, 27). При-

отворачивался от Бога, как бы ни хулил Его, все равно на всю вселенную слышится кроткое слово: «Отпусти им, не ведят бо, что творят» (Лк. 23, 34).

Как бы человек ни уходил на «страну далече», как бы ни уродовал в себе образ Божий, — смотрят на него не мертвые, пустые, слезящиеся глазницы звезд на ночном небе, не грозные черные дула авианосцев, направленных на него из чужой вражеской страны... На него смотрят

ди за эфемерным, скоропортящимся земным счастьем, не как жестокий слалом по чьим-то чужим головам и судьбам, не как безумный поиск новых доз адреналина, а как тихое, радостное веяние благодати Божией, как чудо христианского мирозерцания, как приобщение к великому, таинственному древу Церкви, то мы поймем: да, мы стали по-настоящему счастливыми людьми! И это дорогого стоит!

Подлинное величие чело-

в жаркую погоду. Так же и нам должно плачем глубоко укореняться в вечности!»

И хотя мы имеем богатый опыт святых отцов и опираемся на него, все же жизнь для каждого из нас — это не готовый рецепт, не мертвая, стертая, замысленная схема. Жизнь — это живой, трепетный, пульсирующий духовный поиск! Это переплавка мрачного свинца наших грехов через горнило покаяния — в блистательное ожерелье добра и любви! Константин Леонтьев замечательно называл это «самоваянием человека при помощи Божией».

Богу нужно не наше благочестивое, тщеславное пожертвование на храм. Не парафиновая копеечная свечка. Не редька и фасоль вместо курицы и кефира. Богу нужны мы сами! Наши сердца. Наши истерзанные, израненные, истрепанные души. Богу нужно наше желание быть с Ним! Ему нужна наша любовь к Нему!

Мир хвалится многим. Спортом — быстрее, выше, сильнее! Успехом — солиднее, богаче, блистательнее! Мир хвалится даже грехом — изощреннее, лукавее, ниже...

А верующее сердце повторяет вслед за апостолом только одно: «Не желаю хвалиться, разве только Крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира»...

— ЭТО ТАЙНА, ВОКРУГ КОТОРОЙ ВРАЩАЕТСЯ МИР

шел, чтобы избавить нас от проклятия и смерти! От ада и бессмысленности!

И это добровольное принятие смерти Христом — необходимое условие победы над ней. Владимир Лосский очень точно говорит об этом: «Единственный способ победить смерть — это позволить ей проникнуть в Самого Бога, в Котором она не может найти себе места».

Но Господь хочет, чтобы ад, смерть, грех, порок и в нас не нашли себе места. Для этого Он распялся и воскрес.

И где бы ни жил человек, чтобы он ни делал, в какие бы inferнальные глубины он ни уходил — перед ним стоит Крест Христов. Как бы он ни

смиранные, любящие, теплые глаза Небесного Отца!

«Он грехи наши, — восклицает апостол Петр, — вознес телом Своим на древо, дабы мы, избавившись от грехов, жили для правды: ранами Его мы исцелились» (1 Петр. 2, 24). Вот она: удивительная, глубокая, истинная цель человека — «жить для правды». Жить не для казино, не для шмоток, не для наших бесконечных интриг, не для эгоистичного соперничества, а жить для Вечной правды, для Христа, для ближнего, для Вечности и Любви!

И если в какой-то момент, в какой-то отрезок времени жизнь откроется нам не как бесконечное стояние в очере-

века не в том, что он открыл бозон Хиггса, не в том, что новейшим телескопом он достает до все новых далеких галактик... Величие, красота, достоинство человека заключается в том, как говорит святитель Василий Великий, что «он — тварь, которая получила повеление быть богом». Поэтому мы и восклицаем вместе с блаженным Августином: «Ты сотворил нас для Себя, и не знает покоя сердце наше, пока не успокоится в Тебе!»

Христианин — это не только человек радости, но и человек слез, потому, что он знает тайну страданий, приобщаясь к Тайне Креста! «Дереву, — говорит один старец, — его корням нужно очень много воды

КРЕСТ

На нашем пути к Пасхе стоит Крест. На нашем пути ко спасению возвышается Голгофа. И её не обойдёшь, от неё не отвернёшься, не пройдёшь мимо с закрытыми глазами. «Слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, — сила Божия».

Из проповедей игумена Оптиной пустыни ТИХОНА (Борисова).

Ольга Александровна
СЕДАКОВА

— русский поэт, прозаик,
переводчик, филолог
и этнограф. Кандидат
филологических наук,
почётный доктор богословия
Европейского гуманитарного
университета. С 1991 года
преподаёт на кафедре теории
и истории мировой культуры
философского факультета МГУ.

Ольга СЕДАКОВА:

ИСТОРИЯ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

— Ольга Александровна, каким было самое яркое детское впечатление?

— Я плохой рассказчик. Плохой в этом жанре — рассказывать о себе и по порядку. Я предпочитаю другие сюжеты и другую ситуацию: невольно приходящий на ум сюжет. Вот это я люблю рассказывать — и это у меня получается! Тем более, что о детстве я писала и, конечно, лучше, чем могла бы теперь повторить. Я имею в виду прозу «Похвала поэзии». Она начинается с воспоминаний о самом раннем детстве, о дословесном опыте, о первых встречах реальности с языком.

Я с восхищением читаю автобиографические заметки Михаила Матюшина: он отмечает в своем детстве те самые «уколы», «шоки», из которых потом вырастает душа художника: например, разбитый кувшин на помойке, который навсегда очаровал его благородством античной формы... Так было и со мной. И «шоки античного» так же поражали меня. И многое другое. Но в форме интервью этого не расскажешь.

Впрочем, отец строго меня воспитывал, и я ему благодарна за это. Иногда я бунтовала: «Почему другим можно, а мне нельзя?» Он отвечал: «А ты во всем хочешь быть, как другие, или только в этом (например, в передаче сплетен)?» Оставалось согласиться. Очень во многом я не хотела быть «как другие». Или он говорил так: «Это не в твоём стиле!» У меня не было никакого стиля, да и теперь нет, наверное, — но аргумент действовал. Однажды он мне открыл свой воспитательский принцип (в ответ на очередной ропот): «Я тебя не для тебя рашу, а для людей. Чтобы им с тобой было хорошо». Он не был верующим человеком, но боюсь, немногие верующие и церковные люди относятся к собственным детям, исходя из этого принципа.

Если же говорить о христианских впечатлениях... Моя бабушка была действительно верующим человеком — глубоко, тихо верующим. Со своими детьми — советскими людьми и атеистами — она ни в какие споры не вступала.

Меня просто увлекал ее мир, я к ней тянулась. Она научила меня читать по-церковнославянски уже в детстве, и без этого я вряд ли могла бы взяться за словарь «Церковнославянскорусские паронимы», потому что ранняя память моя была полна этих странных, чудесных слов и фраз: «иже не иде...» Я помнила их, не вникая в смысл. Полупонятность их мне особенно нравилась. Бабушка просила меня читать ей вслух Псалтырь и акафисты, и эти слова запали в ум. Потом, во взрослом возрасте, я стала задумываться об их смысле. Но уже было над чем подумать. «Непостоянно величие славы Твоея». Что же такое «непостоянно»?

ОТЕЦ ДМИТРИЙ АКИНФИЕВ

— Отношения с духовным отцом — особая область. Говорить о ней, не профанируя, не менее трудно, чем говорить о вдохновении. Мой духовный отец — про-

"НЕ ХОЧУ
УСПЕХА И НЕ
БОЮСЬ ПРОВАЛА"

тоиерей Дмитрий Акинфиев, в последние годы настоятель Николы в Хамовниках. Мы встретились, когда мне было немного за двадцать. Тогда он был настоятелем другого храма. И до самой его смерти — а умер он три года назад, — он был моим духовным отцом. Он действительно менял мой душевный состав, причем так, что я и сама не заметила, как стала другим человеком.

— Как вы познакомились?

— Можно сказать, случайно. В детстве бабушка брала меня в церковь, но в школьные годы я и думать об этом не думала. А потом, когда я стала «по-настоящему» писать стихи, в конце школы, меня опять потянуло в храм.

Я не могу сказать, чтобы я переживала какое-то обращение, как те, о которых иногда рассказывают. Мне казалось, что я и не была совсем вне, и не буду, как я решила для себя, совсем внутри. Но постепенно я все больше и больше подходила к серьезному участию в церковной жизни. Поначалу это было, скорее, художественным переживанием: я любила пение, красоту богослужения... Но ходила все чаще и, по совету бабушки, стала исповедоваться и причащаться — лет в 19. У какого священника это делать, мне было все равно.

И наконец я встретила отца Дмитрия. Надо признаться, я никогда не думала, что мне нужен духовный отец: я ведь считала себя поэтом. Ну какой духовный отец может быть у Бодлера или у Пушкина? Свои проблемы каждый решает сам, думала я, кто мне может помочь? Но тут, иначе не скажешь, Бог даровал мне духовника. И в его лице я узнала то глубочайшее православие, которое люблю и которое, на самом деле, встречается очень редко...

Его называли «московским старцем», имея в виду особый дар прозорливости (который он очень неохотно обнаруживал). На его отпевании (там было больше ста московских священников) одна простая старушка громко сказала: «Добрый был он священник и скромный, а отца его коммунисты замучили». Однажды он при мне довольно долго объяснял какой-то женщине, что лучше ей не идти к Причастию, если она не готова. И эта женщина отошла от него совершенно радостная и сказала: «Как будто и причастилась!» Такая сила присутствия. Поговорив с ним почти ни о чем, я каждый раз возвращалась с чувством этого как бы причастия, как бы отпущения грехов. Предание — это

ведь личная передача из рук в руки. Это встреча.

САМА И РЕШАЮ

— Конечно, каждый человек, который приходит в новый для него мир — в мир церковный и православный — думает, что все надо как следует выучить, и сам требует инструкций. И у меня тоже было такое настроение; может быть, не в такой степени, как у других, но я тоже требовала у отца Дмитрия каких-то решительных инструкций. На что он мне говорил: «Сама решишь, почему я должен это тебе сказать? Что я такого знаю, что ты не знаешь?». Знал он очень много. Бездна между моим знанием и его меня всегда поражала.

И еще, как ни странно, он меня примирил с землей. У меня была наклонность к спиритуализму, к отвержению всего земного, всего плотского, в крайней степени. В юности такое бывает. Но отец Дмитрий неприметно показал мне, как это некрасиво, как в этом нет благодарности Богу за все сотворенное. Что в таком «аскетизме» нет добра, нет любви. Тихо и мягко он примирил меня с вещественным миром, с обычной жизнью. Незаметно... Он любил красоту. Однажды старушки обратили его внимание на «местный культ»: молодые люди приходили к одной иконе со свечами и совершали какие-то странные ритуальные действия. Как выяснилось, они считали, что эта икона «помогает в любви». «Батюшка, выгоните их!» — требовали свещницы. Отец Дмитрий вроде бы их послушал, стал медленно к ним приближаться... вдруг остановился и обернулся к стражницам благочестия: «Да вы посмотрите, какие они красивые!» Нужно ли говорить, что старушки его не поняли. Красивые!

Постепенно я увидела, что искусство и церковная жизнь могут быть близки, как во времена Данте, и что это дает искусству другую глубину и широту. Постепенно я это поняла и как творческую тему.

Слава Богу, я была доверчива и слушала его, потому что можно было всего этого не услышать и ничего не воспринять. Он не пользовался такой славой в интеллигентских кругах, как отец Александр Мень. Он был традиционный батюшка, его отец был сельский священник, погибший в лагерях, так что он, можно сказать, — сын святого. Он — дитя гонимой Церкви, Церкви, для которой многие поверхностные вещи пере-

стали быть важны, но очень важно — я бы сказала, по-новому важно — стало то, что действительно серьезно. Отец Дмитрий называл это сердцем. Не то, что человек сделал, не то, что он сказал, — ему было важно, какое у человека сердце. Потому что, как сказано, из сердца все исходит.

Другие церковные люди, которых я встречала в юности, — его ровесники, и даже старше — были в этом похожи на него. Ведь гонения были и очищением Церкви от внешних вещей. И особенно обидно, что этот бесценный опыт забыт, и новые православные начинают мелочиться и высчитывать, что «соблюдать», а что «не соблюдать».

— Какими были те люди? Были ли они обижены на советскую власть? Звучал ли в них протест?

— Они были очень мирные люди. Естественно, у них отношения с советской властью были выяснены еще до лагерей. В этих людях чувствовался — можно так назвать — соборный дух, дух Собора 17-го года. Не было никакой стилизации, архаизма. Они, надо сказать, не очень доверяли новым людям, которые приходили в церковь, потому что после такого опыта, который они пережили, боялись «комсомольцев»... И только с очень немногими людьми у них налаживалась связь. И потому люди, приходящие в церковь, могли не встретиться по-настоящему с теми, кто там был всегда, с теми, кто действительно выдержал все эти годы, с исповедниками. Бесчеловечность, которая стала у нас нормой в советские годы, присутствует сейчас и в церкви. И советская тяга к силе. А христианство на стороне униженных, а не сильных.

СТРАХ

— Страх перед аудиторией и перед публичными выступлениями, он есть и был ли, здесь и вообще? Как вы себя переламываете?

— Такого страха у меня нет и никогда не было. Может быть, потому что в вундеркиндном детстве я привыкла выходить на публику. Но совсем этого не люблю. Я, видно, все-таки человек не артистического склада, потому что успех не приносит мне такой радости, как артистам и поэтам-артистам. Я не хочу успеха и не боюсь провала. Мой страх и мой восторг в другом месте.

— А вообще чего боитесь больше всего?

— Не знаю. Или не скажу.

КТО ПОДВОДИТ НЕ АВТОР

— Ваш четырехтомник — итоговый?

— Надеюсь, нет. Во-первых, не все, что я уже написала, в него вошло. Во-вторых, я надеюсь еще что-то сделать.

Вообще говоря, итог подводит не автор, а кто-то другой. Тот, кому видно то, чего не видит автор. Автор не видит многого. Он не перестает быть автором — то есть лицом, ответственным за текст. Чувство требовательности заслоняет все другие, ты видишь только то, что не удалось, что надо бы исправить... Целое видит тот, кто стоит на месте адресата этого письма, — читатель. Только благодаря музыке я смогла оказаться на месте адресата собственных сочинений. Когда я слушаю музыку, написанную на мои стихи Александром Вустиным и Валентином Сильвестровым, только тогда я слышу собственные слова. Только тогда они говорят мне — и порой удивляют тем, что сообщают.

Произведение довершается в другом. Тереза Маленькая писала, что она чувствует себя кисточкой в руках Бога, а рисует Он этой кисточкой для других. Художник, поэт тоже нечто вроде кисточки, и пишут этой кисточкой не для него. Его работа, его вдохновение довершается в другом человеке и совсем в другом месте.

Из материалов сайта pravmir.ru
Автор текста — Анна ГАЛЬПЕРИНА.

СЫН МАТРОСА

Такой необычный человек, как адмирал Макаров, и родиться должен был в неординарной семье. Его отец, Осип Федорович, хотя и начал службу рядовым в учебном флотском экипаже, уже в двадцать пять лет получил офицерские погоны прапорщика. Свою многолетнюю службу он окончил в чине штабс-капитана, выслужив себе и детям потомственное дворянство.

Да, в «крепостнической России» рядовой мог стать офицером, вчерашний крестьянин — получить дворянство. Подобных примеров, если постараться, можно назвать немало. А сын вчерашнего матроса и вовсе вошел в высшую военную элиту империи.

Но, конечно, маленький Степа Макаров не знал, до каких высот вознесет его судьба. Он, четвертый ребенок в семье небогатого офицера, родившийся в 1848 году в портовом Николаеве, поначалу просто влюбился в море, которое лежало почти у порога его дома. Море стало его жизнью и оказалось неразлучно с ним и в смерти.

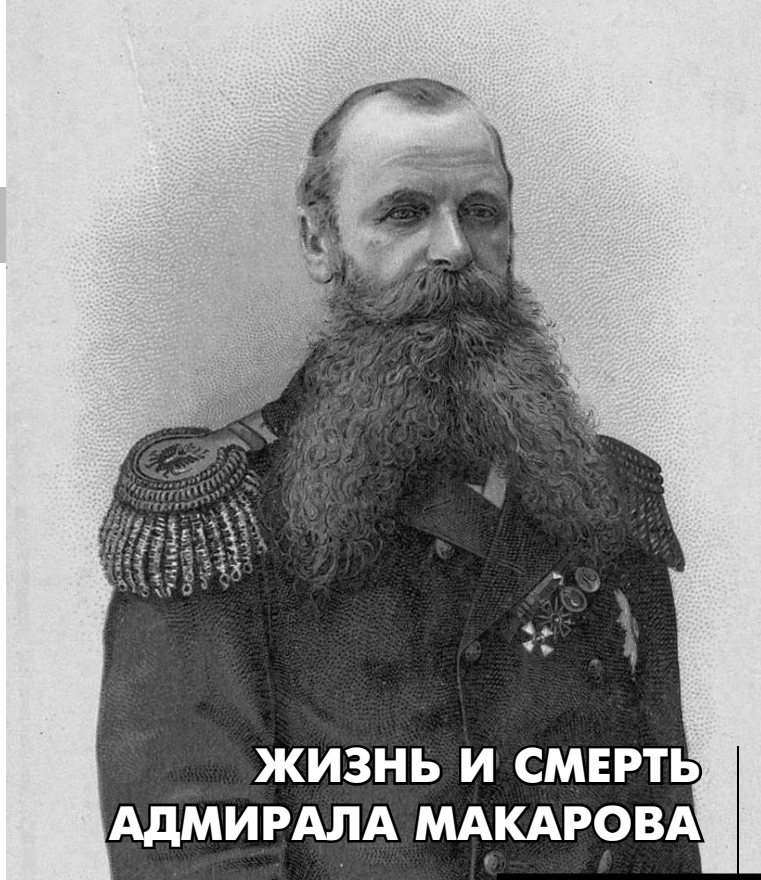
Степану Макарову едва исполнилось десять, когда судьба забросила его вместе с отцом в Николаевск-на-Амуре. Там будущий адмирал окончил морское штурманское училище — первым по успеваемости, проявив себя настоящим фанатиком науки. Ну какой подросток будет сетовать в личном дневнике, что учителя его... мало спрашивают на уроках? А юноше это казалось обидным, «так как через это я почти не знаю положительно предметов, ими преподаваемых».

А потом Степа Макаров четыре года вдыхал соленый ветер океана — от Дальнего Востока до берегов Калифорнии, от Японии до Кронштадта. Когда он решил поступить в гардемарины Морского корпуса в Петербурге, один из его командиров дал юноше такую характеристику: «Макаров будет одним из лучших морских офицеров молодого поколения...»

«НАПАДАЙТЕ!»

Когда надвинулась очередная война с турками, неукротимый лейтенант Макаров добился перевода с тихой Балтики на Черное море, в самое пекло будущих сражений. Против 22 турецких броненосцев на этом театре боевых действий Россия имела... два. И тогда двадцативосьмилетний офицер придумал, как изменить положение на Черном море. Врагов больше? Значит... нужно нападать!

В русском флоте имелись минные катера. Но они обладали малым запасом хода и могли действовать только вблизи своих берегов. И Макаров первым подал дерзкую до безумия идею — погрузить маленькие суденышки на большой пароход и отправить с ними к вражеским портам. Атаковать ночью, когда противник не ожидает, тревожить его постоянно, чтобы и в самой защищенной гавани турки не чувствовали себя в безопасности.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ
АДМИРАЛА МАКАРОВА

Холодный ветер разгонял облака над Порт-Артуром. Русская эскадра возвращалась в порт. Впереди двигалась серая громада броненосца «Петропавловск», над которым трепетал флаг командующего. Внезапно у носа корабля взвился столб воды и раздался оглушительный взрыв мины. В считанные минуты броненосный красавец пошел ко дну. В кипящем море погибли более шестисот матросов и офицеров, и в их числе командир эскадры — вице-адмирал Степан Осипович МАКАРОВ. Это произошло ровно 110 лет назад, 13 апреля 1904 года. Именно в этот день, по мнению многих, наша страна проиграла русско-японскую войну, вступив в жестокий кризис, окончившийся катастрофой 1917 года.

СУВОРОВ
РУССКОГО
ФЛОТА

Память об адмирале Макарове навсегда стала священной для наших моряков. В Кронштадте ему воздвигли памятник, в его честь назвали новый крейсер императорского флота. Многие поэты написали стихи на гибель русского флотоводца, в том числе даже... японец Исикава Такубоку:

*Враг доблестный! Ты встретил свой конец,
Бесстрашно на посту командном стоя.
С Макаровым сравнив, почтят героя
Спустя века. Бессмертен твой венец!*

Без сомнения, самое ценное признание — это признание из уст врага.

НЕПОБЕЖДЕННЫЕ

Много лет спустя уже адмирал Макаров публично сформулировал свое кредо морской войны: «Если вы встретите слабейшее судно, нападайте; если равное себе, нападайте, и если сильнее себя — тоже нападайте!» В этом человеке как будто ожил дух Александра Васильевича Суворова. Командуя вооруженным пароходом, молодой лейтенант призраком возник у неприятельских берегов и выпускал в атаку свои минные катера. Примитивные, неустойчивые скорлупки бесстрашно сближались со стоящими на якоре вражескими броненосцами, стараясь попасть в них миной, укрепленной на длинном шесте.

За одиннадцать месяцев русско-турецкой войны 1877 — 78 годов Макаров вывел из строя два турецких военных корабля, перехватил и уничтожил немало транспортных, а самое главное — «вытянул» все нервы из вражеских моряков.

Заслуги молодого офицера русское правительство оценило по достоинству. Его грудь украсили ордена. В конце войны, в неполные тридцать лет, Макаров уже — капитан второго ранга. Но это было только начало восхождения.

НАУКА И ЛЬДЫ

Научная слава Степана Осиповича со временем затмила его военные подвиги. Ему едва минуло двадцать лет, когда он сделал свое первое крупное изобретение — специальный «пластырь» для заделки пробоин в корпусе корабля. Это ноу-хау вскоре вошло в практику всех моряков мира. Макаров принадлежит множество открытий — от изобретения специальных броневых насадок на снаряды, «макаровских колпачков», до подробного изучения вод Тихого океана, сделанного во время кругосветного плавания на корвете «Витязь».

Наконец, на построенном при его активнейшем участии ледоколе «Ермак» Степа Осипович отправляется исследовать просторы Арктики. Когда корабль затерло льдами, пятидесятидвухлетний контр-адмирал не гнушался лично, наравне с матросами рубить кирками и лопатами лед. Первые попытки пробиться сквозь панцирь Ледовитого океана оказались безуспешны. Упрямый адмирал мечтал о новых арктических экс-

педициях, но теперь он был нужен совсем в другом месте, за тысячи миль от Севера.

ПРЕРВАННЫЙ ПОХОД
АДМИРАЛА

Степан Осипович Макаров видел, что рано или поздно Россия должна столкнуться с Японией. В январе 1904 года он подал высшему руководству флота записку, в которой предупреждал, что русская эскадра, стоящая в Порт-Артуре, в первую очередь может подвергнуться атаке врага.

Спустя несколько дней именно это и произошло — японские миноносцы торпедировали несколько сильнейших наших боевых кораблей. Началась русско-японская война.

Вся Россия ждала, что командовать тихоокеанской эскадрой будет лучший флотоводец страны — вице-адмирал Макаров.

«Все были рады, что наконец-то исполнилось желание всего флота: командовать будет Макаров, который успел приобрести как бы ореол военного гения», — вспоминал один из порт-артурских офицеров. Нового командующего обожали все, от командиров до рядовых матросов, которые любовно называли своего адмирала «Борода».

С его прибытием русские корабли начали активно выходить в открытое море, навстречу врагу. Как отличился стиль руководства Макарова, можно судить уже по тому, что за месяц его командования тихоокеанская эскадра покидала порт шесть раз, а за последовавшие после его гибели десять месяцев — лишь трижды.

Именно в один из таких выходов, 31 марта 1904 года, флагманский броненосец «Петропавловск» и наскочил на японскую мину. Тут же сдетонировал боезапас носовой башни главного калибра. Корабль буквально разорвало надвое. Примчавшиеся на место катастрофы спасательные шлюпки вытащили из воды лишь адмиральскую шинель...

Гибель Макарова стала приговором русскому тихоокеанскому флоту. Можно смело утверждать: останься Макаров в живых — не было бы проклятой Цусимы, и война с Японией окончилась бы совсем по-другому. А тогда, скорее всего, и события 1905 года в России не были бы столь разрушительными. Но Суворов русского флота погиб в самом начале своего триумфального похода...

Павел ЛЕВОЧКИН.

ИСТОРИЯ О ДРУЖБЕ И О ЧЁМ-ТО ЕЩЁ

ПОД ЛУПОЙ

НЕ ПРОСТО ПЕЛИКАН

С МАЛЕНЬКИЙ РАЙ самого начала этот фильм покоряет вас. Он прямо с экрана врывается в ваш дом яростной синевой волн и южного летнего неба, заревом закатов Эгейского моря, дикой красотой маленького острова, затерявшегося где-то на его просторах. На этом островке поколениями живут, трудятся, умирают и вновь рождаются его многочисленные обитатели — греческие рыбаки, крестьяне и монахи с навсегда загоревшими лицами, огрубевшими от работы руками и по-детски простыми и добрыми душами. На его скалистых обрывах и разворачивается эта история, которую рассказал нам французский режиссер Оливье Орле и его интернациональная актерская и съемочная команда, где объединились французы, греки и даже один весьма харизматичный босниец...

Почти все островитяне живут в одной деревне, которая одновременно и порт, и столица, и центр торговли и развлечений. Выше, в горах, расположился православный монастырь, насельники которого, во главе с эксцентричным отцом Космасом, умным и неунывающим монахом-естествоиспытателем, составляют неотъемлемую часть жизни острова. Они учат детей в школе, а во время народных праздников даже выступают... собственный оркестр, под звуки которого местные жители отплясывают греческие танцы, такие же буйные и горячие, как и жаркое солнце их страны.

Все здесь друг друга знают, и все про всех в курсе — кто умер, кто женился, кто разбогател, кто напился... Как в одной большой, шумной, непоседливой, но все равно дружной семье. Размеренную патриархальную жизнь этих людей изредка тревожат лишь любопытные туристы-иностранцы, приезжающие понежить под синим небом Греции. Но их куда немного...

Но и посреди этой сельской провинциальной идиллии далеко не у всех жизнь легка и безоблачна. На отшибе, в стороне от по-

селка, в бедном домишке живет обрубок когда-то счастливой семьи — овдовевший мужчина, уже в годах, и его сын-подросток, три года назад потерявший мать. Боль и беда этого семейства еще коснутся жизни всего острова.

ОТЕЦ, СЫН... И ПЕЛИКАН

В злохмаченный и обросший бородой Эмир Кустурица идеально вписывается в образ нелюдимого и мрачного рыбака Демосфена, замкнувшегося в себе после смерти жены. Этот когда-то веселый человек, с умелыми руками и большим сердцем, почти перестал общаться с другими людьми, и его собственное имя (Демосфеном звали знаменитого древнегреческого оратора) звучит теперь почти как издевательство. Единственный оставшийся у него близкий человек, родной сын Янис, чаще слышит от отца упреки и ругань, чем доброе слово. Каждый вечер, напившись вина, Демосфен уходит в свою опустевшую спальню. И никто не видит, как он плачет там горькими пьяными слезами, положив на соседнюю подушку портрет умершей жены.

Почти забытый отцом, Янис, тем не менее, растет мальчишкой с ясными честными глазами и добрым сердцем. Именно поэтому однажды, увидев на заплывшем в их порт корабле истощенного детеныша неведомой птицы, парнишка без колебаний выкупает птенца у капитана, отдав за это свою единственную ценность — золотой натальный крест, оставшийся от матери. Последнюю память о ней...

Так началась странная и удивительная история дружбы мальчика и птенца, вскоре выросшего и оказавшегося огромным красивым пеликаном. По-настоящему трогательно смотрятся сцены, как парнишка выкармливает чуть живого, похожего на облезшую курицу детеныша, как учит его летать, как прячет питомца от сурового папаша, который почему-то не желает, чтобы у его сына появился домашний любимец. А уж когда Демос-

фен узнает, ЧТО мальчик отдал обмен на эту никчемную птицу...

И кажется что разрыв, совершившийся между отцом и сыном, теперь полный и окончательный. Что ж... обычная история, отнюдь не редкая в жизни. Но у нас-то тут все же не жизнь, а доброе семейное кино. А в нем, как известно, хороший конец неизбежен!

КАТАРСИС

С о временем огромный пеликан становится достопримечательностью всего острова. Туристы теперь валом валят, чтобы сфотографироваться с этой диковинкой, а еще недавно милые и по-деревенски неспешные его жители с удовольствием подсчитывают барыши. А с Янисом «случайно» заводит дружбу предприимчивая и симпатичная Ангелика. А может и не случайно... Ее дядя Аристотель, хозяин единственного на весь островок кафе, кажется, озабочен в жизни только одним — увеличением доходов от своего заведения (еще одно комичное несовпадение имени и человека).

Но неожиданная трагедия приводит к тому, что те же греки называют «катарсис» — очищение. Красивая птица, прикормленная туристами и местными жителями, привыкает постоянно обитать в поселке, и однажды попадает под автобус, битком набитый теми самыми туристами, приехавшими посмотреть на островную достопримечательность.

Горе и боль от потери друга в прямом смысле поражают Яниса — мальчик заболевает и сваливается с ног, в жару и бреде. Печаль охватывает и всех жителей острова. И оказывается, что все-таки жадность и деловитость, как будто бы овладевшие ими, были всего лишь налетом, чужеродным и непрочным. А внутри, под ним, все также теплилась доброта, любовь и сопереживание.

И хозяин кафе Аристотель вдруг из заядлого бизнесмена превращается в добросердечного и мягкого человека. И его племянница Ангелика, оказывается, вовсе не затем завела дружбу с Янисом, чтобы

Л

ризнаюсь честно — в книгах и фильмах я предпочитаю незамысловатые сюжеты. О любви, о дружбе, о тихой и будничной жизни обыкновенных людей.

Потому что именно такие, нехитрые истории нередко таят в себе куда больше глубинного смысла, чем иной головоломно закрученный, «философский», «элитарный» роман. «Простые» истории на поверку могут оказаться совсем не просты. За это я их и люблю.

Как полюбил вышедший недавно на экраны фильм с простецким названием «Пеликан». И понравился он мне не только оттого, что одну из главных ролей в нем сыграл Эмир Кустурица. А еще и потому, что эта, как гласит рекламный слоган картины — «удивительная история дружбы», на самом деле, повествует не только о дружбе, но и кое о чём, ещё более важном. О чём же?

прибрать к рукам его пеликана. Иначе зачем бы ей часами сидеть у постели больного паренька, выкармливая того буквально с ложечки, как маленького? Наверное, тут все же что-то другое...

И конечно, самое главное, что люди, едва не потерявшие друг друга, теперь совсем по-другому смотрят — отец на сына и сын на отца. И Демосфен теперь по ночам не плачет у портрета умершей жены, а приглядывает за мечущимся в бреду сыном. Который, в свою очередь, оправившись, однажды внезапно обнимет этого большого, лохматого, небритого человека, которого уже почти отвык считать отцом...

И СНОВА ПЕЛИКАН

Н у, так, а причем же здесь пеликан, спросите вы? Это и вправду простая, незамысловатая и симпатичная история о дружбе, о взрослении, о первой мальчишеской любви, о непростых взаимоотношениях родителей и детей, наконец. А пеликан... что пеликан? Лишь повод отцу и сыну вновь найти друг друга. Разве он здесь главный? Почему фильм назван именно в честь него?

Дело в том, что в европейской культуре пеликан издавна считался символом... родительской любви. По преданию, найдя своих птенцов мертвыми в гнезде, пеликан клювом раздирает себе грудь и собственной кровью оживляет детенышей.

Именно поэтому, примерно с XIII века, пеликан начинает символизировать и Самого Христа, спасшего Своей Кровью нас, непослушных детей Создателя. В

своей «Божественной комедии» Данте называет Иисуса «наш пеликан». И по сей день эту птицу изображают на католических дарохранительницах. Но христианская символика пеликана известна и православной традиции.

С этой точки зрения появление именно пеликана в фильме предстает в совершенно новом свете. Вспомните, как Янис получил птенца? Он выкупил его за крест... Спас жизнь другому, отдав самое ценное, что у него было. Можно ли более четко и сжато, в одном эпизоде, передать всю сущность христианства?

Не менее сильна и другая сцена фильма, когда Демосфен, изловив ненавидимую им птицу и спутав ее сетями, достает нож, и кажется, что вот-вот... Но при взгляде на притихшего и сжавшегося в комоч пеликана что-то меняется в лице старого рыбака, и он разрезает путы, выпуская птицу на волю.

Так жалость, любовь и милосердие, проявленное главными героями к пеликану, становится залогом обретения ими вновь семейного мира и счастья, едва не утраченного в житейских бурях. А трагическая гибель птицы становится тем, что окончательно примиряет отца и сына. Как будто та пожертвовала своей жизнью именно ради этого. Как когда-то пожертвовал Своей жизнью Кто-то другой.

Впрочем, над Ним смерть оказалась не властна. Может быть, и с пеликаном все окончится не так печально? Я ведь пересказал вам отнюдь не весь фильм...

Вот, а вы думали, все так просто?

Станислав ПАВЛОВ.

О ЛЮБВИ, ВЕЧНОСТИ И ЯЗЫКЕ

Безусловно, это и событие, и явление в современной отечественной литературе. Пожалуй, в ней ни разу не появлялось еще такого произведения. Оно вроде бы рассказывает человеческую историю давно прошедших дней, но звучит очень современно. А его язык просто поражает своей красотой, многие строчки хочется цитировать. Водолазкин совместил, казалось бы, невозможное — элементы магического реализма, присущего Эко, Павичу, Борхесу, Маркесу, с отечественными языковыми фейерверками и открытиями Андрея Платонова, особо выделяемых самим Водолазкиным Михаилом Шишкиным и Сашей Соколовым и, может быть, даже Владимиром Сорокиным. А еще это очень увлекательный роман.

Как пишут рецензенты, «Лавр» — роман о любви в самом глубоком ее понимании. Но в той же степени это и роман о времени. Точнее — об отсутствии времени, его преодолении через приобщение к вечности. Время романа — мерцающее, его ход постоянно прерывается «врезками» из других времен. «Разрушению» времени способствует также смешение древнерусской и современной языковых стихий.

Поэтому «Лавр» можно назвать романом о языке. Большая часть действия книги происходит в Древней Руси (XV век), но историческим романом в собственном смысле она не является. В центре сюжета — судьба одного человека, средневекового врача Арсения, имеющего сразу несколько реальных прототипов. Имена героя в силу обстоятельств несколько раз меняются, Лавр является последним из них, полученным в схеме.

Возлюбленная Арсения Устина, по его вине лишенная помощи при родах, гибнет. То, что она для Арсения дороже жизни, определяет его решение прожить свою жизнь как бы вместо нее. С этих пор жизнь его, как жизнь всякого имеющего сверхзадачу, превращается в житие. Стоит особо отметить, что при создании романа были использованы десятки средневековых житий и сказаний.

Арсений выхаживает чумных, лечит раненых, без усталости выполняет лекарскую работу, успех которой в средневековье определялся не столько общим уровнем медицины, сколько даром врача. Чем больше Арсений жертвует собой, тем очевиднее крепнет его дар. Хорошее владение ремеслом сменяется чем-то большим: лечение уступает место исцелению. Странствия и исцеления людей, Арсений рассказывает обо всех событиях умершей Устине. Несмотря на то, что Устина не отвечает, происходящее между ними Арсений рассматривает как беседу, будучи убежден, что молчание — не значит отсутствие. Этот диалог ведется на протяжении всего романа.

Герой романа проходит путь от становления через отречение от себя, путешествие в Иерусалим и период отшельничества. В этот завершающий жизнь период он снова встречает молодую женщи-

Евгений ВОДОЛАЗКИН.

Особенность всех хороших книг для меня заключается в том, что тебе не хочется, чтобы она быстро кончалась, и ещё в том, что хочется поделиться

радостью от узнавания нового и неожиданного с другими, прямо-таки кричать: «Люди, ну как же вы это ещё не читали, вы ещё не знаете, что это есть. Вы бы стали совсем другими, если бы знали, что есть такое чудо!».

Такое же ощущение возникло и после прочтения романа «Лавр» Евгения Водолазкина, ещё даже когда не перевернулась её последняя страница. Автор — специалист по древнерусской культуре, сотрудник Пушкинского Дома, ученик академика Д. С. Лихачёва. «Лавр» — второй роман писателя. Первый — «Соловьёв и Ларионов» — в 2010 году вошёл в «шорт лист» премии «Большая книга», а роман-житие «Лавр», по мнению многих критиков и даже писателей, стал главным литературным событием 2012 года.

ну, у которой принимает роды. Этим заканчивается его внутренний диалог со своей возлюбленной.

РАССКАЗ О ЖИЗНИ-ЖЕРТВЕ

Сам писатель в одном из интервью говорит, что хотел «рассказать о человеке, способном на жертву. Не какую-то великую однократную жертву, для которой достаточно минуты экстаза, а ежедневную, ежечасную жизнь-жертву».

— Я писал, — рассказывает Евгений Водолазкин, — о человеке, который способен во имя другого человека отречься от себя. Меня интересовала не история средних веков, а история души. Культурного успеха, господствующему в современном обществе, хотелось противопоставить нечто иное. Проблема описания «положительно прекрасного человека» чрезвычайно сложна. На современном материале решать ее почти невозможно, а если и возможно, то для этого нужно быть автором князя Мышкина. Я понимал, что, взятый с нынешней улицы, такой герой будет попросту фальшивым. И я обратился к древней форме — к житию, только написал это житие современными литературными средствами.

Для этого романа писатель избрал новый язык, состоящий из современного литературного русского языка, древнерусской лексики, элементов сленга, канцелярита и даже «крепких слов», полагаясь при этом на свою про-

фессиональную интуицию. И она не подвела. От средневековых текстов в романе осталась их интонация.

— У меня в романе два сознания: одно средневековое, одно — современное. Это редкий случай для современной литературы, когда не автор, а повествователь способен переходить с одного сознания на другое: то есть когда он пишет как средневековый человек, а потом распрямляется и бросает взгляд из современности. И в этом мне помогли, в том числе, разные языковые стили, — говорит писатель.

ВЕРУЮЩИХ И АТЕИСТОВ ВОЛНУЮТ ОДНИ ВОПРОСЫ

Можно предположить, что на характер и дух романа неким образом повлияло еще место работы писателя — Пушкинский Дом в Санкт-Петербурге.

— Пушкинский Дом — благословенное место, — считает Евгений Водолазкин. — Оно заставляет думать о вещах не сиюминутных. Причем не только предметом занятий, а просто своей обстановкой. Оно посвящено тому, что существует уже как явление метафизическое, — русским писателям и их творчеству. Несмотря на материальные свидетельства существования русских писателей, которые мы видим здесь в экспо-

зиции, существует удивительное метафизическое поле. Потому что каждый писатель — это, в первую очередь, метафизическая сущность. Это особый мир, который он творит по образу Господа. Когда Господь творил человека, я думаю, он ему передал и свое креативное начало. И в писателях оно выражено очень сильно.

Интересно, что эта книга вызвала большой интерес у самых разных людей, даже у тех, кто скептически относится к религии.

— И верующие, и атеисты решают одни и те же проблемы и отвечают на сходные вопросы. О сущности, а значит, о смысле жизни. Если делают это не агрессивно, без взаимных упреков и обвинений, они, несомненно, помогают друг другу. Потому что тот опыт, который им кажется отри-

ТРЕБУЕТ ВНИМАТЕЛЬНОГО ПРОЧТЕНИЯ

Литературоведы и критики находят в тексте «Лавра» несколько уровней. Его можно воспринимать как житие, духовную историю. Можно отнестись к нему как к приключенческому роману. А можно и как к мастерски сделанному авангардному произведению.

— Конечно, это роман не о средневековье, — говорит его автор. — И не средневековые люди там действуют. Это роман даже не о современнике. Он о «вневременнике». О человеке, кото-

рый

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЛАВР — СОВРЕМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

один и тот же, хо-рошо это или плохо, и в средневековье, и сейчас, со своими проблемами, любовью, завистью, ненавистью.

Многие литературоведы, да и просто читатели, отмечают, что то, что Лавр не такой, как нынешние люди, и при этом воспринимается современным человеком, свидетельствует о том, что именно его-то и не хватает современности. И в этом отношении «Лавр» — очень современное произведение. Популярный писатель Захар Прилепин высказался о романе так: «После прочтения «Лавра» хочется стать святым».

А на волне успеха «Лавра» увеличился читательский интерес и к первому роману Водолазкина — «Соловьёв и Ларионов». Некоторые из писателей ставят его даже выше последнего по времени. Наверное, настало время его внимательного прочтения.

Николай АКИМОВ.